

Заходит солнце на Востоке

Алексей Сидоренко

E-BOOK

Алексей Сидоренко

Заходит солнце на Востоке

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69975229

СУПЕР Издательство;
ISBN 978-5-9965-2963-6

Аннотация

«...Да, нам выпала честь жить в лучшем из всех миров. Но почему у меня ощущение, что я худший из всех его жителей?»

Если бы мир однажды вступил в совершенную эпоху: избавился бы от кризисов, наладил безупречное воспроизводство и достиг пика технического прогресса, и, наконец, начал предсказуемую и беспечную жизнь... неважно в какой период времени и в каком состоянии, достаточно ли этого было бы для того, чтобы каждый стал счастлив? А имеет ли вообще идеальный мир отношение к человеческому счастью? А к свободе?

Многие отправлялись на её поиски, многие сгинули... И вступил на этот путь еще один человек, влекомый самим фатумом.

Его история и будет рассказана: история побега из мира внешнего в мир подлинной Свободы.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Работа над ошибками	7
Раздел 1	7
Раздел 2	31
Раздел 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алексей Сидоренко

Заходит солнце на Востоке

Пролог

Обузданность – таково было их единственное условие.

«Не позволяйте вашим страстям стремиться познать Нас. И не взгляните на Нас, и не услышите Нас, и не поймите Нас, а лишь верьте Нам, а более вас Мы и не просим. И по сему Завету, священность которого утверждена взаимными клятвами, пребудет ваш народ в мире, и не возбраняется любое дерзновение во славу Завета, да только обузданность будет вашим единственным бременем».

...Но время шло...

Тогда пришел молодой шаман и заявил: «Бесчисленные годы мы чтим Завет и чтим мы Терри. Но никогда мы не выходили за пределы очерченных тысячелетия назад границ. Но почему мы знаем, где лежат границы нашего Завета? Терри живут за горизонтом, так почему бы нам не освоить все, что распростерлось до него?»

И тогда человек из толпы ответил ему: «Кому, как не тебе, знать главный наш закон: «Обузданность будет вашим единственным бременем». Так и границы наши есть черта обузданности нашей и рубеж Завета».

«Так выйди ж из толпы! – воззвал к нему шаман. – Да, коли ты считаешь, что готов нести печать Завета, связующую нас и Великих».

Но человек не вышел и растворился во множестве лиц, внемлющих молодому шаману.

«Вот то, о чем я вам говорил! Человек побоялся преступить несуществующую черту и навсегда потерял свое слово, ибо я был готов сдать свою священную ношу тому, кто в своей мудрости так уверен, что не боится сомневаться даже в словах глашатая Завета.

Под защитой Завета мы пойдем исследовать все, что лежит под нашими ногами, и идти мы будем до тех пор, пока не уткнемся в горизонт, и тогда мы сдержим свое слово и не взглянем мы на Терри, а лишь развернемся и двинемся домой».

Так народ острова Хэм пошел покорять мир. Они построили множество кораблей, так, чтобы могли уместиться все, и вышли в море. Но недолго им пришлось плыть. Стоило кораблям отойти от суши на десять аэнов, молодой шаман, который и возглавил поход, увидел вдалеке силуэт. Это было лицо, и было оно столь гигантским, что, будь оно в десять раз дальше, все равно казалось бы в пределах вытянутой руки.

И шаман вскричал: «Поворачиваем назад!», но было уже поздно, ибо лицо ушло под воду и подняло за собой страшнейший шторм. Спасти удалось лишь тем счастливым, кто не успел увидеть хтонического лика, но когда они вернулись

на землю, поняли, что осталось их не больше половины от половины.

И узнал народ, что такое лишения, засуха и ливни, детская смертность и ранняя старость, потопаы и голод, и утратил народ свой мир, ибо нарушен был Завет.

Περὶ πλανώμενος Νικητής, 530 г.

Часть 1. Работа над ошибками

Раздел 1

«...и мне прежде надо очиститься».

Умиротворенную тишину домашнего кабинета прервал звон почтового пневмомата. Обычный пневмомат имеет звук мелкий, раздражительный; идеальный для использования в рабочих условиях. Это же звучание было сущей музыкой; и дело здесь не только в хитром музыкальном инструменте, которым оснащалась серия данной модели (экземпляр фирмы ААБ, Колтер 1, почтовый приоритет первой важности), но и в стоимости такой машины. Есть некая общепринятая формула: стоимость вещи прямо пропорциональна тому удовольствию, которое будет получать ее владелец (по этой формуле даже незамысловатая мелодия из трех нот преобразуется в полноценную пьесу). Однако же Виктор (хозяин кабинета, пневмомата, да и всего дома) отнесся абсолютно равнодушно к звонку, оторвавшему его от обеденной дремы. Он лишь механическим (и довольно даже грубым) движением открыл круглую дверцу машины и достал контейнер с почтой. Выложил содержимое, контейнер вернул восвояси, а дверцу так же небрежно захлопнул.

Первой в его руках оказалась новостная газета по подпис-

ке, «Ежедневник алийца». На главной странице красовался вызывающий заголовок: «Югорувнийские корабли осадили юг острова Ан-Кавер. Союз планирует экспансию влияния в Северных Инсах?»

– Платная газета – и такие дешевые заголовки... – пробормотал Виктор.

«Ежедневник» ушел в угол стола, к остальной маловажной корреспонденции. Туда же напрямиком отправилась бесплатная городская газета, а вот письмецо Виктор в руках задержал.

Это было приглашение на большой июньский прием от градоначальника Садд-Скалади – островной столицы Алийской Империи. Поводом послужило открытие нового сезона в театре на Барбарис-Сали, в первой основе репертуара которого была пьеса Виктора – и его режиссерский дебют. Конечно же, Виктор был приглашен сильно раньше прибытия этого формального известия, и даже уже знал, что будет номинирован на главную театральную премию «Адамас Корона», это было скорее напоминание, и для Виктора оно было весьма кстати, поскольку намеренно он старательно выбивал у себя из головы факт предстоящего приема, и не без усилия ухитрился почти запомнить.

Но не тут-то было – в руках он держал еще одно письмо, в менее дорогом конверте, но пахнувшее знакомыми духами (которые он даже немножко любил, хотя парфюмерией имел привычку пренебрегать).

«Дорогой Виктор! Надеюсь, ты уже получил визитерский билетик от градоначальника. Я вся на взводе! Конечно же, нас и так бы с тобой пропустили (такого человека должны хоть на ночной шоколад к императору без вопросов пропускать, целую), но Я хочу, чтобы все было как по линейке. Это мой первый большой бал! Мама с самого утра слезы льет, на меня налюбоваться не может, а папаша на протяжении всей текущей недели ежедневно к цирюльнику бегаёт и по два часа там у него сидит. Бедный человек! Он же взволнован не меньше моего!

Но больше всего на свете Я хочу, чтобы на этом вечере ты, именно ТЫ был неотразим, мой милый, милый, милый Виктор. Наверное, я увлеклась, поэтому буду серьезнее. Мы договаривались, что ты сам заедешь за мной к семи часам вечера. Если твои планы не изменились, то, пожалуйста, вышли мне весточку, дабы я была покойна.

Бесконечно люблю, твоя Мария».

Все эти молодые порывы Виктор читал не без умиления, даже с теплотой внутри, но все эти восторги и «судороги» он разделять не мог. Еще бы два года назад он сам с великим удовольствием ждал июньского приема, а лет пять – порхал от счастья, как нежная юная особа, но теперь же весь этот лоск его безнадежно угнетал.

Виктор достал специальный лист бумаги для небольших записок, который можно было сложить конвертом и послать лишь с одной печатью, и написал: «Люблю тебя, буду в

семь». Затем отправил конвертик в контейнер для корреспонденции, а на крышке его указал адрес: «Александровская улица, дом12/А». Виктор нажал на красную кнопку (оплата за счет отправителя), что была на боковой панели управления, и контейнер мигом улетел по трубе в распределительный почтовый пункт. Потом какое-то время Виктор пребывал в полной тишине один, словно в оцепенении. Без мыслей, без переживаний, лишь бы убить время. Спустя полчаса он взглянул на настольные часы – они показывали 13:34. Как бы ни хотелось, но пришла пора спускаться вниз – обедать и готовиться к приему.

Полное имя ему было Виктор Дезир – так он был известен в обществе, под этим же именем работал и публиковался. Был он сложения атлетического, но не мускулистого, скорее худошавого, ростом – чуть выше среднего (около ста восьмидесяти сантиметров); носил усы, закрученные кверху, лицо же брил, было оно, кстати, приятным на вид, несколько квадратным, и волосы имел не по возрасту: густые, темно-русые, с идеальной линией, как у подростка, – и это в его тридцать девять лет. Если коротко (представится еще возможность расписать его подробно), то последние четыре с небольшим года занимался писательством – выпускал как научно-исследовательские, так и художественные работы, давал лекции по своему профессиональному профилю на факультете географии в Садд-Скаладийском университете. С недавних пор занялся театральной режиссурой. Зара-

батывал вышеперечисленным неплохо (по восемьдесят – сто тысяч алийских кредитов в год), однако основной свой капитал скопил иным трудом, но о нем позже.

По меркам Алийской Империи и всей Бонумы (так называется западный материк и приближенные к нему острова), Виктор Дезир был человеком весьма состоятельным, справедливо сказать – богатым. А потому и был вхож в «высший свет». Но и о популярности его не стоит забывать: имя его как автора было известно по всей Империи, а также и в соседнем Фармане, Нор’Ляндии, Илителии, Рувне, и шло стремительно дальше по всей Бонуме.

И как человек богатый, Дезир имел собственный особняк, со всеми первоклассными удобствами, на Илитской улице, в пределах центра Садд-Скалади. Его дом стоял на углу, высотой был в три этажа, с крытой стеклом террасой. Возведен был из красного кирпича, фасад был выложен хитро, но со вкусом, окрашен в теплый шоколадный цвет.

Как раз кстати, Виктор спускается из своего кабинета, в гостиную, и вслед за ним можно оглядеть антураж и детали интерьера дома.

Сам хозяин занимал второй и третий этаж: на третьем он обустроил себе кабинет и трофейную, через которую можно было выйти к верхней галерее, второй же использовал как жилое пространство. Нижний этаж был отведен для приема, слуг и служебных помещений (кухня, гардероб, прачечная и прочие). В целом дом был просторным и светлым, потолки

– высокими, помещения – свободными.

Мебель и отделку он оставил такой же, какой приобрел у бывшего хозяина особняка – молодого наследника одного видного архитектора с известной фамилией; сам же наследник пребывал в бедности, а потому был вынужден оставить родовое гнездо и передать его Дезиру за приличные сто семьдесят тысяч кредитов, но весьма скромные относительно реальной рыночной стоимости (по примерным оценкам, около двухсот пятидесяти тысяч). Так как внутренним убранством занималась семья еще прошлого века, внутри дом выглядел консервативно, но со вкусом. Мебель и полы были преимущественно из красного дуба, стены – белого, зеленого, янтарного цветов. И на каждом этаже было несколько деревянных лавок, лакированных и без обивки. Картин было не счесть, а вот скульптур, декоративных сосудов и прочего напольного в доме почти и не имелось.

Виктор спустился в гостиную, там его уже ожидал дворецкий. Помимо дворецкого, Виктор нанимал кухарку, повара, прачку, горничную.

– Кушать изволите, сударь? – спросил дворецкий, звали его Родионом.

– Да, пожалуй. Все готово?

– Безусловно, сегодня повар приступил к готовке на час раньше, ибо осведомлены, что уезжаете вы сегодня из дома рано и до самой ночи.

– Благодарю.

Со слугами Виктор обращался приветливо, и даже учтиво. Ни деньгами, ни словами никогда не обижал.

На обед подали кролика в сметане, но сперва хозяин дома откусал аппетайзер в виде оливковых канапе с сыром и бокал воды, к самому кролику открыли бутылку столового вина (Виктор выпил один бокал), а завершал трапезу десерт – медовый тортик.

– Гарина, – окликнул Дезир свою горничную, – готовь, пожалуйста, ванную. Родион, свой сегодняшний внешний вид я полностью доверяю тебе.

– Будет исполнено в лучшем виде, сударь.

После обеда Виктор принял ванную. Нельзя не обратить внимания на его татуировку, саму по себе столь несвойственную персоне его социального положения (все мы тут люди приличные и не стали бы подглядывать да разглядывать человека в ванной, но об этой татуировке следует сказать, так как в жизни Виктора она имела чрезвычайное значение, но и этому еще будет время; а если только о внешнем виде – это была змея, ползущая поперек позвоночника, на верхней части спины).

Когда Виктор закончил водные процедуры и вошел в свою почивальню, там его уже ждала подготовленная, выглаженная одежда и Родион с бритвенными принадлежностями в руках. Дезир уселся в кресло, дворецкий приступил к бритью.

– Что в газетах сегодняшних пишут? – разбавил тишину Виктор.

– Вас какая рубрика интересует, сударь? Городские новости, новости страны, международные новости, экономика, искусство? – непринужденно, но с тактом ответил дворецкий, не отвлекаясь от щетины господина.

– Да, если честно, все равно; скучно все это. И бал этот – скукота смертная, особенно ожидание. Думал, может, анекдот какой приключился, который я еще не читал, хоть так развеселиться.

– Судью Карбертина отправили в отставку, – Родион тем временем заканчивал процедуру.

– Расследование завели?

Дворецкий повременил с ответом – кончив орудовать бритвой и убрав остатки пены полотенцем, он вернулся к разговору:

– Нет, думаю, и не подадут.

– Да уж... такого сладострастника следовало бы отправить на эшафот и на фарманский манер отсечь голову. Да куда уж там...

– Это они только с нашим человеком так поступают не задумываясь, – Родион позволил себе несколько разоткровенничаться, но тут же осекся.

– Правду говоришь. Так и есть, – поддержал слугу Виктор, тем самым успокоив его. – Нашего человека они не жалеют, пока деньжатами не обзаведешься – там и чуть-чуть смилостивятся.

Теплым маслом разлились слова Виктора по душе дворец-

кого, тот даже немножко повеселел. Докончив с волосами своего господина (он знал, что Дезир никогда не покрывает голову на людях, а потому делал ему укладку каждый раз, как брался брить ему щетину), Родион пригласил одеваться.

– И в чем это я сегодня буду щеголять? – пошутил Дезир.

– Белая сорочка, бархатный камзол, расшитый белым золотом жюстокор. Янтарные кюлоты, белые чулки и бархатные башмаки, – как по инструкции отчеканил Родион.

– Да я же шучу... сам все вижу... Слушай, а может, мне просто классическую тройку, а?

– Вы же не хотите затеряться в толпе промышленников и коммерсантов? Сейчас даже банкиры потихоньку переходят на кафтаны.

– Ну да, как же я буду на сцену за премией подниматься? – грустно посмеялся Дезир.

– Парик будет вас ждать на выходе, дабы вы его опять не забыли.

– (Еще и это.) Спасибо.

В 18:25 Виктор спустился вниз к парадной. Окинул взглядом купленный как месяц назад парик, который еще ни разу не был в употреблении, и осознанно проигнорировал его, выйдя из дома с обычной шляпой в руках. У тротуара его уже ждала подготовленная машина.

А теперь стоит немного отступить от основной линии повествования в сторону и уделить некоторое время истории технического развития Бонумы, дабы стало впредь ясно, от-

куда у людей почтовые пневмоматы, пневмокареды, поезда и так далее.

Мир на до и после поделило изобретение совершенно неожиданного устройства. На стыке 1657 года старой эры и первого года новой изобретатель-техник Гавриил Дезир, уроженец и поданный Государства Алийского, прародителя Алийской Империи, разработал совершенно невообразимый проект устройства, которое могло сжимать потенциально любое количество воздуха из атмосферы, тут же преобразуя энергию сжатого воздуха в механическое движение, и при этом могло быть практически любого размера, в зависимости от требуемой мощности, и использоваться как стационарно, так и мобильно. Первый прототип получил название компрессор Дезира, оно же устройство Дезира.

Год изобретения устройства Дезира принято брать за точку отсчета летоисчисления новой эры. Но настоящий прорыв случился через год, когда Гавриил Дезир совместно с ученым-инженером Константином Францем создали свою «установку Дезира-Франца». Эта установка была первым полноценным двигателем, работающим на энергии сжатого воздуха, которая возобновлялась в реальном времени.

И мир круто повернул на новую, совершенно внезапную дорогу развития. Первой вытеснялась гужевая тяга, затем морские суда начали оснащаться пневмодвигателями, появились первые железные дороги. Уход от пороха обозначил фундаментальную переделку армии и изменение воен-

ной стратегии. На вооружение пришли новое компрессорное оружие и пневмотехнологии.

Устройство Дезира кардинально изменило экономику и общественную жизнь. В первые сто лет новой эры совсем еще зачаточная промышленность умножилась в сотни раз и охватила весь континент. Традиционная модель хозяйствования вытеснялась индустрией и капиталом. На место ленд-лордов пришли промышленники. Сословное общество размылось и смешалось с молодым классом буржуазии.

Изменения в социальной и экономической жизни породили устойчивые социальные лифты, расширенную правовую систему и свободное предпринимательство, расширившее хозяйство за пределы промышленности.

Хоть новая экономика достигла идеала в техническом оснащении, но она с гигантским голодом требовала непрерывной экспансии. Чтобы избежать внутренних конфликтов и удержать внутреннюю государственную стабильность, каждая из влиятельных стран Бонумы взяла под свой контроль находившихся рядом малых соседей и начала политику колонизации восточных земель за океаном. Монархические дома этих стран (новых империй) в первую очередь установили ясные и взаимовыгодные отношения с крупными держателями капитала (по ходу повествования станет понятно, какие), а затем, создав Лигу Запада, постановили, что на территории Бонумы не могут происходить никакие военные конфликты, а территориальные границы каждой страны

впредь и навеки незыблемы.

С тех пор почти как двести лет мир пребывал в консервативном покое: люди продолжали пользоваться технологиями на основе установки Дезира-Франца, Бонума оставалась в мире, земли Востока продолжали осваиваться и развиваться.

Виктор владел совсем новым вишневым «Кордом», произведенным фирмой «Пантера». «Корд» представлял из себя трехобъемный, четырехдверный седан несколько квадратной формы, с закругленными краями, на четырех больших колесах. С двумя керосиновыми фонарями на носу. В передней части кузова находился роторный двигатель и занимал практически полтора метра от общей длины машины. Зато такой двигатель выдавал сто киловатт мощности и разгонял «Корд» до ста сорока километров в час. Достался этот «агрегат» Дезиру за тридцать две тысячи.

Салон машины был полностью выполнен из красного дерева, алюминия и кожи. На приборной панели в ряд красовались различные индикаторы часового типа, показывающие скорость, давление, температуру, состояние компрессора и прочее.

Свою машину Виктор водил и обслуживал сам, что у пожилых людей его круга вызывало недоумение, а молодежь, наоборот, прельщало.

«Корд» запускался при помощи кривого ключа, но не снаружи, как экономичные машины, а из салона; паз находил-

ся посередине между водительским и пассажирским сиденьем. Дезир раскрутил ключ, двигатель издал тихий шипящий звук, Виктор включил первую передачу, и карета тронулась.

За восемь минут до ранее оговоренного времени Виктор Дезир прибыл к дому своей невесты. Но ждать не пришлось и двух минут, как тут же вся семья Галье – мать, отец и дочь – стояла у машины.

Невесту Виктора звали Мария Галье – миловидная, нежная барышня двадцати двух лет от роду, на лицо была проста, но хороша (красоты была не аристократической, а скорее крестьянской); невысокая, с пшеничного цвета волосами; состояла певицей (преимущественно второго плана) при театре на Барбарис-Сали. С Виктором ее свел отец, который и сам был влюблен в него не меньше дочери, но любовь эта была одним лишь трепетом перед фигурой богатого, стремительно развивающегося художника.

Сам же отец, звали его Ромуа (что на фарманский манер – Ромак) Галье (урожденный Сосновик), познакомился с Виктором в театре, где Ромуа с женой служили костюмерами-декораторами, когда Дезир начал водить дружбу с художественным руководителем театра Гердом Штуром. Галье некоторое время рвался познакомиться с Дезиром – «своим любимейшим писателем», после был представлен, а буквально через несколько недель свел Виктора со своей дочерью, поскольку знал, что сам по себе он для «своего любимого

писателя» интереса не представляет. Но, по правде говоря, именно Ромуа Галье подтолкнул Дезира к режиссуре. Сам он был человеком низкорослым, обрюзгшим, в некоторой степени неприятным; с круглым лицом и крючковатым носом. Происхождения своего очень стыдился и усиленно выдавал себя за фарманца, но был чистокровным родловцем (народ с крайнего запада материка). Фамилию же Галье взял у жены (чистокровной фарманки), а до этого несколькими годами ранее навсегда положил стать истым фарманцем. Но как он ни старался, а избавиться от западного акцента не мог. Также и в Фарманском Королевстве успехов ему добиться не удалось; сам он хоть и имел некоторый, весьма приличный капитал, а жил почти приживальщиком при доме своей жены. После пяти бесполезно потраченных лет Ромуа взял жену, малютку-дочь и переехал в Алийскую Империю, где дал себе слово, что выбьется в «высший свет», а иначе: «деньги моим девочкам, а сам – в петлю». И отчасти план он свой осуществил: усиленно играл фарманца, изображал акцент так, что бывало доходило до карикатуры, не жалел ни себя, ни жену, обивая пороги театров, опер, трактиров и даже цирков, и в итоге дорвался до места декоратора в театре на Норской (все здесь же, в Садд-Скалади), а через пару лет, совместно с женой, оккупировал закулисы театра на Барбарис-Сали.

Мать семейства, Фенедикта, была женщиной строгой, немногословной, расчетливой. Высокой, сухой, но очень красивой. В молодости могла бы и без намерения затемнить

собственную дочь. Была из семьи одного разорившегося дворянина, которому однажды предложили выдать Фенедикту за «человека надежного и состоятельного» (это при том, что Ромак до последней капли сидел на шее семьи Галье), и тот не смог отказать. Фенедикта была умна и слишком черства, а потому низкорослый родловец в качестве супруга ее совершенно не расстроил – она понимала, что следует быть реалисткой и работать с тем, что есть, а не мечтать у окна о благородном атланте. Но даже при всей своей строгости порой не могла сдерживать нежных, слезливых чувств к дочери – ее единственной любви в этой жизни.

Мария вышла в прекрасном, дорогом, светлом вечернем платье с открытыми плечами и туго затянутым корсетом, делавшим ее узкую талию форменно осиной. Мать ее была в скромном черном туалете, который не только не унижал ее, а скорее подчеркивал зрелость ее красоты. Ромак нарядился в обычные тканевые брюки, жилет, но по моде нацепил поверх атласный кафтан, совершенно не садившийся по его круглому животу.

Поначалу Виктор надеялся хоть на какое-нибудь приличие со стороны родителей Марии – думал, что те догадаются явиться в отдельной карете, – но Ромуа уже усаживал жену на заднее сиденье, и планы на уединенную поездку с Марией вмиг испарились. По дороге отец Галье пытался завести какой-то разговор, но никто его не поддерживал, а потому до дворца градоначальника ехали молча.

В половине восьмого (время, когда прибывают представители творческой интеллигенции) Виктор и семья Галье вошли в гостиный зал. Народу к этому времени уже собралось достаточно, человек пятьсот, в основном обычные гости: видные буржуа города, банкиры, юристы. Понемногу начали прибывать художники, профессора, философы, артисты. Последними ожидали крупных чиновников и промышленников.

Начало вечера было отведено под светский ужин – время, когда играет живая музыка, разносятся еда и напитки, а люди между собой знакомятся и общаются. Затем по программе шли несколько церемоний награждения: на театральную премию «Адамас Корона» и на гуманитарную императорскую премию. И в заключение вечера – большой бал.

Не раз Виктор был гостем на июньском приеме, но даже год назад он не испытывал такого странного смешения чувств: коктейль из скуки, отторжения, восторга и насмешливого пренебрежения.

Первым Дезира заметил и увлек в свою компанию Герд Штур, художественный руководитель театра на Барбарис-Сали. Перед тем как представить Виктора двум пожилым важным господам, Герд отвел его немного в сторону и заговорил:

– В общем, я тут из верного источника осведомился – премии за лучшую режиссуру и за лучший дебют – твои, – он поздравительно похлопал Виктора по плечу.

– А почему не только за лучший дебют?

– Наверное, у Поли Германа денег не хватило.

– А я же даже ничего и не предлагал.

– Ну, видимо, тот подумал, что с тобой в торги лучше не вступать.

– Чушь какая! Пускай берет.

Герд удивленно посмотрел на Виктора.

– Ты чего, не с той ноги сегодня встал? Радоваться надо...

– Ну будет премия – буду радоваться.

– Ладно... тебе надо немного выпить, потом закусить, а там и развеселишься. Пойдем я тебя лучше кое с кем познакомлю.

Тем временем Виктор обернулся и поискал глазами членов семьи Галье. Мария беседовала с какими-то молодыми актерами (помахала рукой, когда пересеклась взглядами с Виктором), Фенедикта «молча» общалась с какой-то богатой дамой, имевшей финансовое отношение к театру, Ромуа набивал живот бутербродами и шампанским, попутно перекидываясь шутками с такими же едоками.

– Уважаемые господа, позвольте представить – Виктор Дезир, писатель, профессор и с недавнего времени режиссер, весьма перспективный, позвольте заметить.

Виктор откланялся.

– Это, – Герд указал на седовласого господина в пенсне, – Франсуа Аруэ – известный публицист, философ, профессор Первого Садд-Скаладийского гуманитарного института. (Он

и Дезир взаимно друг друга поприветствовали.) А это – Виссарион Доброславный – литературовед, критик, писатель.

Перед Дезиром стоял довольно молодой (хотя издали Виктор его принял за пожилого) мужчина в дорогом парике с сильно накрашенным лицом. С ним Дезир также отдельно раскланялся.

– Наслышаны, наслышаны, молодой человек, – начал разговор Аруэ, – и на пьесу вашу ходили. Отличная пьеса. По вашей же книге, как известно?

– Это правда, господин Аруэ.

– Стоит заметить, сюжет весьма смелый, в лучших традициях современного реализма, и постановка новаторская, – отметил Штур.

– Вы и на премию номинируетесь? – заметил Доброславный.

– Слухи ходят, – скромно увел Дезир, – номинантов пока еще не объявляли.

На закрытии предыдущего сезона Виктор Дезир дебютировал с постановкой своего собственного произведения, опубликованного полтора года назад. Это была повесть из его «цикла путешественника». История о диких аборигенах из Северных Инсов, захвативших в плен группу «вольных геоисследователей», которую эти аборигены после съели. Повествование акцентировалось на отчаянных попытках пленников сбежать, а завершалось роковой случайностью, подобной история открывалась – на поселение наткнулась

группа фарманских наемников, вырезала всех жителей, сокровища разграбила. Наемникам удалось найти единственного выжившего «вольного», которого не успели доесть и оставили без ног и одной руки. Этой сценой история заканчивалась.

– Вы наверняка и лично много бывали и на островах, и на земли самой Нуветтерии вступали, – заметил Аруэ.

– И правда, доводилось бывать и часто общаться с многими путешественниками, – ответил Виктор.

– А как вы полагаете, господин Аруэ, – обратился Доброславный, – как эту историю можно было бы разобрать с точки зрения социальной философии?

– Ну конечно же, на поверхности лежит миссия Великого Просвещения. Только подумайте, какое беззаконие и варварство творится на Востоке! И это же наши, западные люди.

«Да о чем вы тут двое вообще собираетесь рассуждать, резонеры? – думал про себя Виктор. – Вы же здесь сытые сидите, потому что кому-то приходится этой работой там заниматься. А все ваше Просвещение – не более чем циркуляция богатств по благополучным землям».

Дезир уже хотел покинуть их, но вдруг он увидел несущуюся на него даму, за которой только и поспевал муж. Это была его относительно давняя знакомая – жена большого алийского коммерсанта Антония Погребская – женщина эффектная, яркая, известная общественная благодетельница, а рядом с ней, собственно, сам господин Савва Погребский.

– Виктор! Дорогой наш друг! А мы сразу бросились вас искать, как прибыли.

Погребские были одной из первых семей, с которыми Виктор сошелся еще в начале своей карьеры. Все представились друг другу, разговор продолжился.

– Как обстоят дела с колониальной торговлей? – обратился Виктор к господину Погребскому, желая уйти от философских разговоров.

– Проходила как-то новость об экспансии югоровнийского торгового альянса, в больших газетах писали, между прочим. Но на деле лишь попытка промышленников с материка шум поднять, дабы свои дела устроить. Не нравится им, что у нас на острове всегда дела лучше с колониями идут, чем у них.

– Почему же вы так думаете? – поинтересовался Аруэ.

Виктор понял, что и тут сейчас начнутся лишь пустые разговоры, а потому аккуратно выскользнул и обратился к госпоже Погребской:

– Как думаете, стоит пьесу продавать рабочим театрам?

Не успела та ответить, как тут же вмешался Герд:

– Да зачем тебе это? Пускай лучше оно остается в нашем, настоящем театре. Зачем тебе впустую свою репутацию тиражировать?

– Позвольте, господин Штур, – вернулась в беседу Антония, – люди имеют право знать. Это же наши общечеловеческие права! И искусство – главный их предмет. Оно стиму-

лирует людей подниматься с самых низов наверх, является неотъемлемой, а возможно и первой энергией нашего общества и Просвещения.

Тут их слышал Аруэ, которому успел надоесть господин Погребский, и он ловко подхватил:

– Да вы, многоуважаемая сударыня, философ! По натуре... а может быть, и по образованию?

– Больше по натуре, я сама из средней семьи, и не могут меня не волновать проблемы нашего общества.

Тут Виктор не знал, как ему быть: рассмеяться им всем в лицо или же злобно заткнуть рты.

«Да когда вы последний раз бывали в порту? Или на Всесезонном рынке? Когда господин Погребский последний раз интересовался о детях своих работников? Или о том, куда ежедневно отплывают корабли, набитые молодыми людьми, старшим из которых еще и двадцати не исполнилось?»

Благо для Виктора его мучения подходили к концу, поскольку начиналась церемония награждения на «Адамас Корона».

– А вы так и выйдете, без парика? – свысока заметил Доброславный.

– Пренеприятнейший случай произошел. Когда из кареты выходил, ветром сдуло, и прямо в лужу. Представляете?

По укладке Виктора было понятно, что никакой ветер его головы не тревожил, оттого ответная издевка звучала куда язвительнее, чем колкость Доброславного.

Все гости расселись по местам. Виктор, Герд и Мария заняли столик для важных особ в первых рядах у сцены. К ним туда же пристроились мать и отец Галье, с важным видом, но трудно скрываемым смущением. Минут через десять начали объявлять номинации и номинантов. Лучшая постановка: «Бал у матери Теры», «Однажды, в далеких краях» (пьеса Виктора), «Сосновый лес», «Розовые цапли». Лучший режиссер: Малик Адамин, Виктор Дезир, Егир Долмашко, Поли Герман. Потом шли номинации «Лучший актер», «Лучшая актриса», «Лучшая музыка» и т. д., имен там было слишком много, чтобы обращать на них внимание. Также были особые номинации: «Лучший дебют», «Образцовый театр» и «Малиновая ветвь за особые достижения». Как и ожидалось, призы за лучшую режиссуру и дебют забрал Виктор, а вот лучшей постановкой признали пьесу «Розовые цапли» за авторством Поли Германа; провокационная вещь, со множеством непристойных сцен, на которую мало кто сходил, а вот Виктору она понравилась, и он был готов даже уступить Герману и «Лучшего режиссера».

Премия «Образцовый театр» уже традиционно забрал Штур, а «Малиновую ветвь» преподнесли девяностолетнему господину, весьма плодовитому театральному деятелю, который однако был немножко не в себе, а потому, когда его вызвали на сцену и зал начал аплодировать, не поднялся на подмости, и минут пять-десять рукоплескал вместе с остальными каждый раз, когда объявляли его имя.

В отличие от остальных номинантов, Виктор и не думал выделяться. Он не готовил речей, а лишь вышел (дважды), поблагодарил за отметку и на том откланялся. Но такая немногословность и даже равнодушие только сильнее возбудили публику. Начали перешептываться, строить теории; еще надолго запомнится людям высшего света загадочное выступление режиссера-модерниста.

Церемония премии «Адамас Корона» плавно перетекла в церемонию гуманитарной императорской премии. За ней Виктор и его компания уже не следили, единственное – Дезир задержал внимание на речи Франсуа Аруэ, который держал орден за какие-то достижения.

Церемониал завершился последовательными речами: промышленника Александра Серебряного – богатейшего горожанина, владельца группы фабрик «А. Серебряный», президента торговой компании «Восток – Запад» Анастасии К. и градоначальника Садд-Скалади Антония Марка.

«Полчаса бессодержательной болтовни, – заключил Виктор. Нет бы просто сказать спасибо всем и за все и уйти. Нет! Я буду стоять и говорить, и говорить, и говорить, и чем меньше мне будет о чем говорить, тем длиннее я буду составлять фразы».

На балу Виктор немного развеселился – закуски порадовали вкусовые рецепторы, шампанское ударило в голову, танцы спасли от душных разговоров с душными людьми. Домой же Дезир поехал с Марией. Вообще-то, при всей про-

грессивности алийского общества, не принято было молодой девушке уезжать ночью с кавалером одной, тем более на глазах у родителей. Но семья Галье была готова позориться, лишь бы угодить Виктору.

Раздел 2

Спустя пять дней после июньского бала Виктор читал лекцию в университете по культуре народов Северных Инсов. Разбирался материал, изданный за авторством самого Дезира два года назад (сам он несколько лет как состоял штатным профессором при кафедре). Читали фрагмент «Легенда о Великанах с острова Хэм, комментарии, а также замечания по путешествию профессора Модеста Марусского» из цикла по культуре североинских народов. Как всегда, в зале был аншлаг; все билеты на лекции Виктора разбирались за несколько дней (на лекции ведущих профессоров и светила интеллектуальной среды учебные заведения за свой счет проводят аукцион билетов).

Виктор читал в одной из самых больших аудиторий Садд-Скаладийского университета. Пятьсот взглядов было приковано к Дезиру, стоящему за кафедрой.

– ...Обузданность – таково было их единственное условие.

«Не позволяйте вашим страстям стремиться познать Нас. И не взгляните на Нас, и не услышите Нас, и не поймите Нас, а лишь верьте Нам, а более вас Мы и не просим. И по сему Завету, священность которого утверждена взаимными клятвами, пребудет ваш народ в мире, и не возбраняется любое дерзновение во славу Завета, да только обузданность будет

вашим единственным бременем».

Такой договор заключили жители острова Хэм северного архипелага Хэм-Костерия, что находится в водах поныне неизученного севера Нуветеррии, с Великанами, которых сами аборигены называют [Терри]. (Вероятно, «Терри» также близко по смыслу со словом «боги», но более точным относительно сопоставления свойств будет вариант «великаны».)

Согласно священным письменам, заполученным с острова Хэм в 397 году (новой эры), копии с которых поныне хранятся в Музее археологии и антропологии в Керри, народ долгие годы (в источниках указываются тысячелетия, но, по всей видимости, это не более чем поэтическое преувеличение, свойственное религиозным письменам жителей Востока), жил по Завету с Великанами, пока люди (около пятисот лет назад, если верить первоисточнику) не утратили свою «обузданность».

Тогда пришел молодой шаман и заявил: «Бесчисленные годы мы чтим Завет и чтим мы Терри. Но никогда мы не выходили за пределы очерченных тысячелетия назад границ. Но почему мы знаем, где лежат границы нашего Завета? Терри живут за горизонтом, так почему бы нам не освоить все, что распростерлось до него?»

И тогда человек из толпы ответил ему: «Кому как не тебе знать главный наш закон: «обузданность будет вашим единственным бременем». Так и границы наши – есть черта обузданности нашей и рубеж Завета».

«Так выйди ж из толпы! – воззвал к нему шаман. – Да, коли ты считаешь, что готов нести печать Завета, связующую нас и Великих».

Но человек не вышел и растворился во множествах лиц, внемлющих молодому шаману.

«Вот то, о чем я вам говорил! Человек побоялся преступить несуществующую черту и навсегда потерял свое слово, ибо я был готов сдать свою священную ношу тому, кто в своей мудрости так уверен, что не боится сомневаться даже в словах глашатая Завета.

Под защитой Завета мы пойдем исследовать все, что лежит под нашими ногами, и идти мы будем до тех пор, пока не уткнемся в горизонт, и тогда мы сдержим свое слово, и не взглянем мы на Терри, а лишь развернемся и двинемся домой».

Так народ острова Хэм пошел покорять мир. Они построили множество кораблей, так, чтобы могли уместиться все (скорее всего, очередное поэтическое преувеличение, на мой взгляд – общая вместимость флота тогдашнего острова Хэм не превышала двухсот человек), и вышли в море. Но недолго им пришлось плыть. Стоило кораблям отойти от суши (около двенадцати морских миль), молодой шаман, который и возглавил поход, увидел вдалеке силуэт. Это было лицо, и было оно столь гигантским, что будь оно в десять раз дальше, все равно казалось бы в пределах вытянутой руки.

И шаман вскричал: «Поворачиваем назад!», но было уже

поздно, ибо лицо ушло под воду и подняло за собой страшнейший шторм. Спасти удалось лишь тем счастливым, кто не успел увидеть гигантского лица, но когда они вернулись на землю, поняли, что осталось их не больше половины от половины (именно так сформулировано в первоисточнике).

И узнал народ, что такое лишения, засуха и ливни, детская смертность и ранняя старость, потопаы и голод, и утратил народ свой мир, ибо нарушен был Завет.

...В 445 году профессор Университета антропологии в Керри, выдающийся алийский экспедитор Модест Марусский отправился в поход на четырех кораблях в воды Хэм-Костерии. В последние свои годы он полностью перепрофилировался на изучение материалов с острова Хэм, смог выявить потенциальные координаты вод, где мог затонуть древний флот (в его существовании он не сомневался) и за счет нескольких меценатов и некоторых своих сбережений снарядил экспедицию. По его предположению, тот самый исторический остров находился на юго-востоке архипелага, в сорока милях от современного поселения. Тот участок не был освоен бонумцами по причине труднодоступного подхода и отсутствия обитателей. Местные жители говорили, что никто не уходит в те земли «наверное, тысячу лет как», давно отданы были те земли их предками «на растерзание стихиями».

Истории не известно, что именно случилось с экспедицией, – Марусский со своей командой просто исчез. Последние

сведения о нем остались у жителей деревни острова Хэм-Тори-Ра, где тот в последний раз останавливался. Очевидцы говорили, что повстречали истощенного, бледного, почти мертвого на вид, но невероятно бойкого и эксцентричного мужчину неопределенного возраста, которого словно «духи шутили». Остальная команда пребывала в преспокойном расположении духа, но и иные из них ходили «словно замороженные».

Экспедиция, которая отправилась на поиски команды Марусского, отошла от Хэм-Тори-Ра лишь на двадцать миль, поскольку натолкнулась на непроходимый скалистый участок. Но следов четырех кораблей и экипажа вокруг не обнаружили. А это означает, что Марусскому удалось каким-то образом преодолеть гибельное место и уйти дальше. О нем даже сложилась легенда в отдельных кругах, якобы он потонул именно там, где однажды погиб флот молодого шамана.

На мой личный взгляд, Марусскому действительно удалось уйти немного вглубь района, но затонул он в ближайших пяти-десяти милях. Но мне и не хочется разрушать поэтизм еще одной прекрасной легенды, а потому я и не претендую с моим предположением ни на что.

Затем Виктор прочитал еще несколько фрагментов, где упоминались [Терри] другими, находящимися в одном поясе с архипелагом Хэм-Костерия народами Северных Инсов. Но где-то это были переложения с оригинальных религиозных историй, где-то – встречались похожие по свойствам суще-

ства, где-то – похожие по описанию, но имеющие абсолютно противоположную сущность.

Лекция продлилась чуть более полутора часов. Последние двадцать пять минут Виктор посвятил только общению с аудиторией. Держались в рамках материала, но вопросы прилетали словно снаряды, успевай только отбивать. По окончании основной части Дефир задержался еще на двадцать пять минут для автограф-сессии.

На ней к Виктору подошли трое молодых парней – студенты с направления культурных связей и морского сообщения. Каждый держал в руках по томуку «Цикл путешественника. Полное издание» – последняя опубликованная Дефиром вещь, включавшая в себя первый цикл путешественника (в том числе и повесть «Однажды, в далеких краях») и второй – продолжение серии историй о культуре «походов», с комментариями и дополнениями к произведениям первого цикла. Большинство работ Виктора признавались академической общественностью культурологически важными и активно внедрялись в студенческую среду в качестве материала для исследований. У него было лишь несколько книг исключительно художественного характера, которые однако стояли в авангарде его известности и к тому же приносили неплохой доход.

Студенты не были оригинальны и протянули книжки для автографа. Но один из них, щуплый паренек в очках и костюме-тройке, собранной из других костюмов, который выдавал

его «среднеклассовое» происхождение, спросил Виктора:

– Прошу прощения за столь избитый вопрос, но все же не могу его не задать. Насколько автобиографичны ваши книги? Вы ведь часто используете в описании первое лицо и комментарии даете весьма подробные касаясь личного опыта других мореплавателей. Я спрашиваю именно о тех местах, где речь идет как бы... о внутренней кухне, закулиссе исследовательского мира, – под конец парень весь смутился и заметно оробел.

Виктор по-отечески усмехнулся:

– Ну конечно же, вы правы в своих догадках: некоторый опыт возможно приобрести лишь непосредственно. Но и не стоит забывать, что талант писателя заключается в первую очередь в умении фальсифицировать чужой опыт как свой. Так что я отвечу вам так – автобиографичны местами.

Ничего нового Виктор не сказал, но студенты все равно искренне поблагодарили его за ответ.

Когда аудитория опустела, на Виктора вдруг накатило редкое, но невероятно драгоценное чувство, которое он отдельно от остальных называл осенением. Это слово он отобрал из множества и навсегда условился использовать только его для обозначения одного конкретного и ни на что не похожего состояния. Когда приходило осенение, мозг Виктора вдруг переключал всю внешнюю работу в режим автоуправления и полностью сосредоточивался на внутренней обработке информации. Таким образом Виктор мог прожить и

час, и два, и сутки, абсолютно погруженный в себя, а после, вернувшись в нормальное свое состояние, словно просыпался, и потом еще долго припоминал, что происходило с ним во внешнем мире. Это состояние было ему неподконтрольно, но приходило только при определенных обстоятельствах, и благодаря ему Виктор и прославился как «невероятно детальный» автор.

Осенение – это словно путешествие во времени, просмотр задокументированных органами чувств эпизодов со всеми мельчайшими подробностями, которые невоспроизводимы в своем идеальном виде в обычной, поверхностной, подвластной человеку памяти.

Дезир отлучился из мира вещей примерно на двадцать девять часов. Но что же такое он видел?

К сожалению, слово передает нам информацию лишь посредством ассоциаций и неспособно в точности передать даже то, что может зафиксировать один лишь глаз, не говоря уже об обонятельном или осязательном опыте. И тем более не может соединить все вместе и в таком виде изложить. Поэтому придется ограничиться лишь общим описанием событий, которые пережил Виктор, пребывая в осенении.

Виктор Дезир, урожденный Золот, родился в 495 году новой эры в семье двадцатидевятилетнего Игоря Золота, рунника по происхождению, барда, путешественника и географа, и двадцатисемилетней Зои Золот (в девичестве Галча),

алийки – управляющей большого книжного магазина, старшей дочери видного предпринимателя (к тому времени уже вдовца) Максима Галча, в Алийской Империи, в материковом городе Константин, находившемся в трехста пятидесяти километрах от Керри – материковой столицы Империи.

Мать Зои и бабушка Виктора Арина скончалась за три года до рождения внука при весьма прозаических обстоятельствах – от гипогликемии.

У Зои были две младшие сестры, Мафрена и Елена, которые вышли замуж за двух братьев-близнецов, владельцев юридической конторы, и в 499-м иммигрировали на родину мужей, в Фарманское Королевство. Связь с ними постепенно слабела, а через пять лет и вовсе оборвалась. У Виктора в его детской памяти отпечатались образы двух теток-двойняшек (друг на друга едва похожих), которые почему-то всегда являлись вместе, и их белокурых мужей, но характеров их он совсем не знал. Из подробностей он помнил только апельсиновый запах духов, которыми пользовались братья, что заложило в нем на долгое время устойчивое мнение о фарманцах, которое он долго из себя изживал, поскольку фарманцы практически не пользуются апельсиновым ароматом, а предпочитают цветочный.

У Игоря, отца Виктора, был только один близкий родственник – старший брат, выпускник военной академии, член старшего офицерского состава (Виктор знал его от майора до полковника второго ранга), командир дивизиона Бо-

рислав Золот. Своего дядю Виктор запомнил хорошо. Он был на десять лет старше Игоря, говорил с рувнийским акцентом, периодически коверкая слова на свой лад; крупный, высокий, почти полностью лысый, с гигантскими усами и постоянно строгими глазами. Однако человеком он был добрым, но с некоторыми странностями. Словом, не всегда было понятно, шутит он или нет. Но если видел, что напугал собой человека, – тут же широко улыбался и окатывал волной душевного тепла. Женат был трижды, от первых двух имел несколько детей, с которыми, однако, не общался, в том числе по причине языкового барьера (первая жена была с юга, из Кипии, где и воспитывала детей Борислава, а вторая сбежала от него еще беременной, в Илиту). Последняя же жена его, Роза, детей иметь не могла (что и не заботило Борислава).

Родители Игоря и Борислава скончались в Рувне в 491 году; отец – осенью, мать – зимой. О них Виктор практически ничего не знал, и даже портретов их не видел. Возможно, Золоты специально умалчивали о своем происхождении.

В 501 году умер и дед Виктора, Максим Галча, в возрасте семидесяти четырех лет, и магазин «Галча» полностью перешел во владение Зои и Игоря.

Виктор рос в семье с очень хорошим достатком. Книжный магазин «Галча» был крупнейшим в городе и приносил в разное время от восьмидесяти до двухсот пятидесяти тысяч алийских кредитов в год. Семью Золотов-Галча можно было по праву называть «периферией высшего общества».

Финансовые возможности семьи позволили дать маленькому Виктору с самых ранних лет лучшее (из доступного) образование. С детства с ним занимались няни и гувернеры, в шесть лет он пошел в школу для мальчиков, в двенадцать поступил в гимназию. Но и сам Виктор обладал неплохими интеллектуальными способностями. Был смышлен, даровит, но особенную предрасположенность имел к языкам. Хоть Игорь Золот говорил на хорошем алийском, и почти всегда, но иногда мог перейти на рувнийский и подучивал ему сына. Виктор же схватывал новые слова и конструкции хорошо, и когда это обнаружилось, было принято решение создать для мальчика полиязыковую среду. К двенадцати годам он уже свободно владел алийским, рувнийским, а также и слабоженским, сланвийским (близкородственные с рувнийским), илитским, нор'ляндским (близкородственные с алийским) языками. В гимназии и дома учил фарманский и родловский. Если бы сегодня были живы его учителя, то они бы без труда вспомнили этого удивительно даровитого мальчика.

Мать Виктора, Зои, была женщиной простодушной, но хорошо образованной. Без амбиций, но с пронизательным умом. Была она не столько талантливой, сколько практичной: умело решала финансовые задачи, ловко разбиралась с управленческими трудностями, знала, как вести хозяйство и прочее. Словом – она была головой семьи. А вот супруг ее, Игорь Золот, был сердцем.

Игорь был полной противоположностью Зои – легкий, творческий, непостоянный. Простой человек принял бы его за юродивого (как и любого другого настоящего художника). Максим Галча поначалу с недоверием относился к избраннику дочери – рувниец без прошлого, но с деньгами, певец, щеголь, бродяга (так он называл всех путешественников), сам же Максим давно рекомендовал в мужа дочери сыновей своих товарищей, таких же, как и он, коммерсантов. Но по какой-то непонятной (возможно, судьбоносной) причине Зои и Игорь чуть ли не с первого своего знакомства (Игорь гостил тогда в их доме, по рекомендации одной светской дамы) прилипли друг к другу, и отрывать бы их пришлось только силой. Тогда Максим махнул рукой и сказал лишь: «живите». Но до конца своих дней он продолжал дивиться на их союз: такие непохожие, не складывающиеся друг с другом, а все равно как одно целое. И любви-то между ними не было такой, которую можно разъяснить простому человеку. Они словно гармонировали на тихих полутонах. С виду были даже холодны в отношениях, но где-то там, в секрете от чужих глаз, происходило нечто, что и держало их неразрывно. Виктор этого лично не видел, но более чем точно ощущал.

В 507 году Зои умерла при родах. Умер и младенец. Виктор запомнил ее простое лицо (он не мог определить его красоту), простые платья, аккуратную, иногда почти литературную речь, и странное, совершенно непонятное ему умиротворение. Его он помнил прекрасно, детально, но описать

никогда – даже для собственного понимания – не мог.

В том же году Игорю Золоту пришлось закончить карьеру музыканта (абсолютно неожиданно и грустно для многих слушателей) и переквалифицироваться в управители. Об этом тут же узнал молодой конкурент книжного магазина «Галча», богатенький розовощекий сын фабриканта Ники Нольский, и, предвещая скорый упадок дел магазина, потихоньку стал тормозить угли и потирать ручонки. Но, к его несчастью, Игорь сумел сориентироваться и нанял хороших помощников за весьма большое жалованье, что, конечно, магазин не подняло, но и не дало ему пойти на дно.

507 год остался в памяти Виктора богатым на смерти. Накануне Нового года Золотам пришло письмо с извещением о гибели Борислава во время атаки на его гарнизон «пиратов/организованных бандитов» (он в то время служил на острове Итрап, вблизи берегов Нуветтерии). Через несколько месяцев узнали, что вдова Борислава получила в наследство весь его капитал, после чего бесследно исчезла.

За два года Игорь сильно поменялся. Стал невесел, задумчив, несколько заторможен. Золотые волосы его немного поредели и побелели, стан скрючился. В свет выходить перестал, все чаще и чаще уединяясь в своем кабинете. А в 509-м скончался от инфаркта. За несколько месяцев до смерти Игоря в торговле начался кризис, а знаний или таланта Золот не имел, чтобы как-то помочь ситуации, потому передал бразды своему коммерческому директору, сам же, по долгу

чести, отстраниться совсем не мог и постоянно переживал больше прежнего.

По закону Виктор должен был стать полноправным владельцем семейного магазина в семнадцать лет, а до тех пор его опекун обязывался взять на себя управление наследственным имуществом. Но у Виктора не оказалось близких родственников, способных взять на себя опеку. С банковскими счетами тоже возникли трудности. Будучи несовершеннолетним, Виктор не мог иметь коммерческий счет, через который проходила основная прибыль магазина и на оном содержалась. Его же сберегательный счет мог вместить только двадцать пять тысяч кредитов. Но последние месяцы всеми финансовыми инструментами магазина распорядился уже ранее упомянутый коммерческий директор Три Солнце, который вовремя успел перевести энную сотню тысяч кредитов на свои счета, а отчетности магазина подправил под стать объявлению банкротства. Но и в этом случае магазин не могли выставить на аукцион, и тогда вмешался жаждущий конкурент. Через ряд махинаций ему удалось добиться торгов за имущество покойного Игоря Золота, на которых он был единственным покупателем и забрал все что было за цену почти вдвое ниже рыночной – на условии, что муниципалитет выплатит сироте-Виктору определенную законом компенсацию по достижении тем совершеннолетия, а именно тридцать пять процентов от полученных от Нольского денег, то есть тридцать пять тысяч за все имущество: книжный

магазин, две машины, фамильный особняк. На личном счету Виктора оставалось пять тысяч. Но и на этом не остановились бюрократы и зачли сироте последующие три года содержания в интернате на его потенциальный счет. В таком случае, без инфляционной индексации, по достижении семнадцати лет Виктор должен был получить около восьми тысяч. Этих денег ему бы едва хватило на собственное жилье и какое-нибудь ремесленное образование.

Свои пятнадцать лет Виктор встретил в интернате имени Романа Свитеко (до этого он несколько месяцев прожил в нескольких приютах и пансионатах, пока власти города подбирали ему подходящее место) в городе Ельце района Константин (в сорока километрах от Константина). Это была закрытая школа-приют среднего класса, выпускники которой получали квалификацию «среднее профессиональное образование» (сам же Виктор год не доучился в элитной гимназии, где бы мог получить малое высшее образование и право поступления в университет без вступительных экзаменов). Такой выпускник, со своим «средним», мог претендовать на место помощника в малой муниципальной администрации, стать продавцом первой степени (высшей из трех возможных), податься работать в полицейский штаб, пойти на службу в армию (там порог входа минимальный) или стать квалифицированным рабочим на фабрике. Обращались с воспитанниками там весьма строго, приучали всех и каждого к военной дисциплине, в качестве универсального средства

воздействия использовали физическую силу. В «пенитенциарно-школьной» среде самопроизвольно организовывалась внутренняя жесткая иерархия, со всеми вытекающими. Но на удивление себе же Виктор смог ловко к ней адаптироваться, и хотя выдающейся физической силой он не обладал, тем не менее мог определенно и точно постоять за себя и свое место, поскольку осознавал имеющееся у него интеллектуальное и родовое превосходство.

Но долго в интернате Виктор решил не задерживаться. Спокойно взвесив свое положение, он пришел к тому, что в этом месте ему ловить нечего и теперь стоит пробираться в жизни самому, а в противном случае «социальная масса» его просто-напросто сплющит и выкинет на свалку, откуда ему будет не выкарабкаться. Собрав все, что у него было, – личные вещи и четыре тысячи восьмьсот кредитов, – Виктор сбежал из интерната, после из города, а затем из района и через три недели добрался до города Володор в районе Керри. В приюте он прожил всего полгода.

План был прост – поступить оружейником в армию (самое младшее из возможных воинских званий; являются своего рода разнорабочими, а не солдатами). Это было единственное место, куда могли принять несовершеннолетнего без каких-либо бумажных волокит. Дальше Виктор планировал дотерпеть до совершеннолетия, подкопить денег, а там нанять адвокатов и заявить свои права на наследство, находящееся под муниципальным попечением. Этих денег ему

должно было хватить для поступления в сносную военную академию, а там у него был подробный пример карьеры дяди Борислава.

И хотя в качестве оружейника Виктор смог обжиться, но его планы изменили совершенно неожиданные перспективы.

Виктор рано откинул от себя все предрассудки, чтобы те не мешали его стремлению обратно – на верх общества. А потому воинская служба не была для него предметом священным или хоть сколько обязывающим, а имела лишь практическую пользу. Но Виктор продолжал быть открытым для новых, более выгодных путей и предложений.

Став армейским разнорабочим, Виктору тут же во всей красе открылся ранее невиданный ему мир «социальных глубин». Оказывается, все время этот мир был совсем рядом с ним – достаточно было проехать пару кварталов от центра города, или зайти в неприметный переулок, или углубиться в жилой район... достаточно отвести взгляд от сияющих витрин и крыш в сторону – и тут же можно увидеть мир дешевых кабаков, притонов, нелегальных борделей, игорных подвалов; мертвецки пьяных людей, спящих на земле, битых женщин, детей-воришек, стаи подростков, бродяг, отчаянных проституток всех возрастов... Как раз изучение этого мира Виктором круто повернуло его жизнь.

Одним летним вечером 511 года Виктор стал свидетелем пьяной потасовки в одном питейном заведении. Он (тогда еще Золот) сидел за столиком в углу, пил темное пиво, куп-

ленное за десять копеек, и в какой-то момент его внимание привлекла троица молодых людей, находившаяся с ним в одном крыле. Как он понял на глаз, один парень вел диалог с парой приятелей; вероятно, деловой. Он наблюдал, как постепенно нервная речь переходила в повышенную, затем в громкую, а там и в откровенный крик. Тот, что был сам по себе, пытался все время взять верх над собеседниками, один человек кричал на слабоженском, второй для виду его сдерживал, но не более. Тогда Виктор решил вмешаться. Он подошел к тому, что сам по себе, и шепнул ему на ухо пару слов, после чего вышел на улицу. Меньше чем через минуту вышел тот парень и быстро увлек Виктора за собой.

Дело оказалось в следующем. Троица обсуждала детали карточного долга одного из присутствовавших. Тот, что был отдельно, взымал долг, тот, что был тише всех, был должником, а самый громкий – где-то найденный отморозок на роль телохранителя. В какой-то момент Виктор отчетливо услышал: «Еще одна минута, и я его убью!», «Если он не заткнется, я его тут же прирежу!» («Eshte un minutu, a u la matare ho!», «Ak ho no se calla, u la cortare ho!»). Тут он понял, что происходит прямое подстрекательство, и сейчас могут и впрямь убить неподготовленного человека, а потому решил подойти и шепнуть лишь: «Он его науськивает, у того нож».

– Как удалось уйти?

– А что тут сложного? Просто сказал, что потом погово-

рим, ждут более важные дела. Ему все равно из города сбежать не дадут, но там уже не разговоры будут. Я Карлий.

– Виктор.

Так Виктор познакомился с Карлием Кривых, молодым протеже босса преступной группировки Коха. Кох – старый алийский гархиец, занимался организацией нелегальных экстремальных азартных игр: стравливание собак, человеческие бои без правил, бои с оружием, кровавые бойни стенка на стенку и прочее. Также его люди в кабаках обманывали людей в карты. В группировке было на тот момент около тридцати человек.

Тогда и случился в голове Виктора первый переворот. Узнав, какие деньги может получать человек Коха (Карлий получал в неделю в среднем по сто двадцать пять кредитов, что в шесть раз превышало жалование оружейника), Виктор оставил службу и подался в группировку. Тогда же он и расстался с фамилией Золот окончательно и нарек себя Дезиром. Выбирал фамилию не столько разумом, сколько чувством, а вернее, неким мгновенным озарением: «Я должен быть Дезиром». К концу осени Виктор, уже Дезир, вместе с Карлием Кривых и еще пятью товарищами оставили Володор по приказанию Коха и отправились в портовый город Либаро – крупнейший порт материковой части страны – подготавливать почву для переезда группировки и набирать новых рекрутов.

Почти год Виктор прожил в полном сумбуре. Чуть ли

не каждый день происходили какие-то странные события – совершенно разнохарактерные, но смежные. Бывало, день мог начаться с попойки, а закончиться лишь к следующему утру где-нибудь в лесу, за городом. Иногда приходилось жить в бараке на двадцать человек, где по факту размещались шестьдесят, а потом неожиданно Виктор переезжал в какой-то притон, где ему одному приходилось соседствовать с десятком проституток (в качестве дополнительного поощрения он получал свободный доступ ко всем сразу). Работать приходилось постоянно и многозадачно. Например, Дезира и еще нескольких человек могли послать за товаром (алкоголем, табаком), который нужно было забрать (пересчитать, рассчитаться с продавцом, загрузить в машину) и доставить к месту проведения вечернего представления. А могли отправить в качестве массовки (иногда переводчика) улаживать дела с должниками. Иногда приходилось заступать двумя ногами за черту закона, например, когда нужно было вывозить из города трупы животных и людей, погибших во время боев, или же принимать крайние меры в отношении неплательщиков. В банде Коха Виктор научился основам выживания: драться, использовать холодное оружие, стрелять, выводить себя или кого-то другого из состояния тяжелой интоксикации, общаться с мошенниками, играть в карты только своей колодой, никогда не показывать деньги, водить машину, скрываться от полиции, давать взятки... Доходы его постепенно росли и к семнадцати годам составили сто пять-

десять пять кредитов в неделю. Виктор достиг совершеннолетия и мог претендовать на свое наследство, а также и на продолжение обучения в гимназии (он никогда не разбрасывался деньгами и смог сохранить на личном счете пять тысяч двести кредитов). Но тогда возник ряд трудностей, совершенно неожиданных трудностей.

Последний год Виктор прожил по документам Виктора Дезира, которые ему помог сделать лично Кох, но так как фамилию Виктор поменял неофициально, все документы на фамилию Золот никак не были связаны с Дезиром. Личным счетом Виктор продолжал пользоваться под фамилией Золот. Но в один момент (который он помнит до сих пор безо всякого осенения) обнаружилось, что документы Виктора Золота пропали. Восстановлению они не подлежали, так как Виктор сбежал со своего последнего места содержания еще будучи несовершеннолетним и последние годы официально не имел определенного места жительства. Так Виктор вновь остался ни с чем, но в этот раз уже без какой-либо надежды.

Благо к тому времени он сильно возмужал и окреп, а потому рассудил, что нельзя поддаваться панике и агрессии, следует выйти из положения рационально.

Он не торопился обвинять кого-либо в воровстве (он также и не торопился вменять вору мотив), не стал поднимать шум (если его и взаправду решили «разуть» на деньги, то, начини он искать справедливости, отнимут еще и жизнь), а пошел в регистрационную палату и сделал копии всех сво-

их документов, чтобы навсегда остаться Виктором Дезиром, а за неделю до этого купил в кредит за пятьсот сорок алийских флигелек у одной пожилой вдовы.

И начал думать, куда ему податься дальше. На этот раз ему были нужны по-настоящему большие заработки, которые, однако, требуют либо высокого образования, либо подвергают большому риску. Виктору выбирать не пришлось. И он стал все свое свободное время проводить в порту (втайне от товарищей).

Долго судьбу ждать не пришлось, и в августе 512 года Дезир познакомился с двадцатидвухлетним начинающим вольным геоисследователем Солодом Красным, служившим помощником на судне братьев Люмов. Знакомство их было до сухости банальным, а потому лучше отвлечься и обратить внимание на ту странную нишу, куда подается этим же августом Виктор.

Вольные геоисследователи (они же вольные) – исконно ироничное название (впоследствии ставшее официальным) людей, занимающих область деятельности между географами/картографами и пиратами/корсарами/наемниками межконтинентальных компаний. Действуют официально и признаны во всех странах Бонумы.

В целом вольные промышляют, на частных начинаниях, исследованием и осваиванием Нуветтерии и Инсов, а также коренного населения. Они составляют карты земель (в основном труднодоступных мест), водотоков и водоемов, де-

тальные планы поселений, занимаются разведкой закрытых территорий (например, святые места аборигенов).

Составляют знания о социальном, демографическом, экономическом, военном и прочем положении поселений (такая информация всегда находит богатого покупателя, а порой может и вовсе озолотить).

Также они налаживают контакты с аборигенами, формируют торговые потоки (то есть могут выступать посредниками между коренными жителями и заинтересованными людьми).

Что же касается обратной стороны деятельности вольных, то здесь догадаться несложно. Собственно, по этому параметру они делятся на преимущественно исследователей, преимущественно грабителей и смешанных.

Возвращаясь к братьям Люмам.

Антони и Нивильяль Люмы – бывалые вольные геоисследователи, академические лингвисты, археологи и этнологи. Поскольку обладали незаурядным образованием и отличались в тонкости исполнения своего дела, Люмы были теми немногими не головорезами, а искусными аферистами. Они уделяли огромное внимание чуткому и дотошному исследованию (что, само по себе уже приносило хороших доходов), отчего им открывались различные тайны поселений, что, в свою очередь, стоит очень больших денег. Но такой подход занимает много времени и сил, а потому их дело не могло приобрести вид конвейера, и каждый поход являлся

уникальным, мастерски исполненным перформансом особого вида искусства. Именно к таким людям Виктору повезло попасть на службу.

В то время братья Люмы остановились в Либаро привести какие-то свои дела в порядок (какие именно, Виктору так и не открылось), после чего собирались отплыть в Садд-Скаледи, а уже оттуда выдвинуться в очередной поход. Тогда у них появилось свободное место для нового «палубного» помощника, в котором они по делу-то острой необходимости не имели. Но, благодаря немалой удаче, Солод проявил особое расположение к Виктору и, выгадав нужный момент, попросил Нивильяля лично потолковать с Дезиром.

Когда Люмы и Виктор встретились, тот рассказал им всю свою историю абсолютно откровенно, со всеми подробностями, если его задерживали; а также честно признался в своем нынешнем занятии и причине поиска нового места. Но особое внимание Люмы заострили на его полиглотстве. Наспех проэкзаменовали молодого человека и пришли к выводу, что стоит дать шанс такому таланту, который по абсолютному абсурду судьбы оказался в своем несоответствующем должному положении. Если они не переоценили этого юношу, то в будущем их ждала большая выгода.

Итак, в жизни Дезира произошел новый, фундаментальный поворот – оставив группировку Коха (он просто собрал все свои вещи, включая занятые у Коха четыреста кредитов и «служебное» оружие, и растворился), Виктор начал жизнь

вольного геоисследователя. И останется он в этом деле на следующие восемнадцать лет.

Сперва Виктор выполнял исключительно работу на судне и не ходил на берег (фигурально). Параллельно с этим Антони и Нивильяль занимались его образованием, и совершенно филантропически. Хотя Виктор и был вынужден оставить вовсе свое обучение почти на три года, он все же имел неплохой интеллектуальный капитал, а также смекалку, и потому учился он не с основ, быстро и осваивал довольно сложный материал (по великой удаче его образ жизни не успел внести в его личность и организм необратимые изменения).

За два года он сильно возмужал, преобразился, приобрел характерные привычки и особенности и скопил архивы профессиональных знаний, и тогда стал допущен до исследовательской («вольной») работы. Что важно, Виктора и не готовили в качестве судового специалиста, а обучали языкам (за несколько лет он успешно освоил четыре основных североинских диалекта), связям и коммуникациям (как деловым, так и неформальным), экономике и технологии хозяйства, географии и, как полагается каждому рядовому вольному геоисследователю, технике разведки и стрельбе.

С должности младшего помощника на судне за восемь лет Дезир дослужился до бригадира – второй человек в команде после капитанов. С первых лет своей новой деятельности Виктор воочию увидел колоссальную разницу между сред-

ними доходами в Бонуме и в море, на Востоке. Уже в первый год он заработал две тысячи четыреста алийских кредитов. А к восьмому году службы его годовой доход составил тридцать восемь тысяч кредитов. Но большие деньги ждали Виктора впереди.

В 520 году, осенью, братья Люмы, по достижении почетных возрастов (Антони было тогда шестьдесят четыре, а Нивильялю шестьдесят шесть), отошли от дел, оставив предприятие своим двум бригадирам: Виктору Дезиру и Итро Беллинсу. Через год по принятии дела от Люмов новые капитаны продали старое судно, взамен приобрели новый корабль последней модели и продолжили плавать и вести дела под старым названием: братья Люмы. Также Виктор и Итро сохранили все порядки и нормативы, по которым, например, в предприятии не могли участвовать больше шестидесяти человек одновременно, сорок из которых должны быть заняты исключительно на корабле.

Следующие пять лет были лучшими для команды новых братьев Люмов. Именно в это время Виктор скопил свой основной капитал. Его доходы возросли в десяток раз по сравнению с прошлыми годами, и в одно лето (523) Дезир положил на свой личный счет (тогда он специально отправился далеко на север, в островное государство Сарвиму) семьсот десять тысяч алийских кредитов.

Затем успех начал утихать. Возросла конкуренция среди других исследователей. Увеличилось число пиратов. Меж-

континентальные компании стремились брать под свой полный контроль всех вольных мореплавателей, отказываясь от пользования их услугами в частном порядке.

В 530 году, в возрасте тридцати пяти лет, Виктор покинул команду, оставив дело Итро и бригадиру Гаворгу. К этому времени Дезир суммарно имел три миллиона алийских кредитов в деньгах, а также небольшое имущество – усадьбу в пригороде Садд-Скалади стоимостью в тридцать семь тысяч кредитов и дом в Сарвиме, купленный за тридцать тысяч. По праву состояния Виктор мог входить в «высший свет». В тридцать пять лет он не просто восстановил свое некогда утраченное социальное положение, но и сильно продвинулся вверх (скорее всего, не уйди он на Восток, остался бы с краю высшего общества, с общим капиталом в четыреста-пятьсот тысяч (при условии, что пошел по родовому пути коммерции)). Но даже не деньги отворили пред ним ворота элитарного мира, а накопленный за все восемнадцать лет исследовательский опыт и литературный материал.

В первый год своей мирной жизни Виктор опубликовал две художественные книги (сборник приключенческих повестей и автобиографический роман) и одну исследовательскую (всестороннее описание острова Тартория (одна из крупнейших и важнейших колоний Алийской Империи) и его коренных жителей – особенности ландшафта, акватории, этносов, культуры, построек и прочего). Вложил немалые деньги в продвижение своих книг, а также завел несколько

важных знакомств среди социальных меценатов и «просвещенцев» (примерно в это время Виктор стал вхож в дом семьи Погребских).

В следующем году Дезир издал еще один роман, который изобилдовал откровенными подробностями жизни вольных геоисследователей, а также наемников и преступников, и еще одну культурологическую работу, положившую начало циклу книг по культуре североинских народов. Тогда Виктор набрал некоторый внушительный вес в литературном мире Алийской Империи и начал тиражироваться за ее пределами; внимание привлекал особый художественный стиль Виктора, который смешивал детальный реализм с легким, почти бульварным, фривольным романтизмом и благодаря которому (а также вложениям, активному распространению и снова удаче) Дезира вывели в авангард современной литературы. За свою исследовательскую работу Виктор в особом порядке снискал магистерскую степень в Садд-Скаладийском университете, а еще через год выпустил вторую работу цикла по культуре североинских народов, по которой защитил докторскую степень и получил место в качестве лектора на факультете географии и этнологии, на кафедре культурологии Нуветтерии и Инсов.

Раздел 3

Воскресным вечером (к этому времени Виктор пришел в себя) Дезир и Мария ужинали в ресторане на Кенейском проспекте. То был хороший, дорогой ресторан; из тех, где за блюдо берут в два с половиной раза больше его реальной цены (что является признаком хорошего тона), с просторной посадкой, несколькими обеденными залами на каждом из трех этажей. С видом на реку Моярку и Литейный мост.

Они занимали кабинет на третьем этаже, на столе стояли две бутылки шампанского Amur Seleu, блюдо из гребешков в молочном соусе, илитское мясо на шпажках, два салата из креветок и алийский кремовый торт «Тарта». Мария то говорила, то прерывалась, и все – о помолвке на большом официальном приеме, Виктор в основном молчал, пил шампанское (в скором времени бутылки заменили на новые) и смотрел на реку.

– Так вот... Я думаю, как лучше сделать: устроить прием в твоём доме, родительском или пригласить всех в ресторан. Вот, например, сюда.

«Пять тысяч за этаж, двенадцать с половиной – за весь ресторан, на один вечер, каждый час после двух ночи – ещё по восемьсот за один этаж», – подумал произвольно Виктор.

– В твоём, конечно, было бы намного лучше, но как-то перед людьми неудобно...

Виктор вскинул брови... сам не знал, отчего.

– Но у нас тесновато, много кого не позовешь. Человек тридцать, не более. Но ты сам понимаешь – помолвка – это в своем роде первый акт свадебной церемонии, нужно с первых минут задать ритм, масштаб. Но вот здесь – отличное место. С прекрасным видом.

– А как насчет илитского ресторана на Скаладийской набережной? Comder Porcu.

– Виктор, помилуй нас обоих. Это маленькое семейное место. Туда на ланч пристало ходить. Тогда уж, и правда, лучше у родителей.

Весь ресторан на двенадцать часов – тысяча.

– Не знаю, как по мне – хорошее место.

– Да, отличная обедня...

Потом Мария что-то продолжила, потом что-то добавила, но Виктор уже не слушал. Он умирал со скуки. Почему нельзя было поговорить о чем-нибудь отвлеченном? Хотя бы о том же театре. В основном Мария только о нем и говорила, но и это было куда интереснее пошлых планов просадить впустую деньги, которые Виктор не то чтобы жалел, но былые годы оставляют шрамы.

Как же давно Виктор не общался на действительно интересные темы с действительно интересными людьми. Живыми людьми! Настоящими, бывалыми. Лишь иногда ему удавалось сойтись с...

– Ты меня слушаешь, Виктор?

– Ах... да...

– Ты словно оцепенел. С тобой все хорошо?

– Да... то есть не совсем. Шампанское, видимо, в голову сильно ударило, и тут душно... Может, выйдем в общий зал? Там музыка.

– Хорошо, – каким-то неуверенным тоном отозвалась Мария.

В общем зале они стали свидетелями небольшого инцидента. Почти посреди зала собралась группа молодых людей: двое, очевидно, находились в прямой конфронтации, еще двое подле каждого из них выступали своего рода секундантами. Рядом находилось еще несколько людей – вероятно, знакомые.

– Я требую! Требую извинений с вашей стороны! – топал ногами среднего роста парень – лет двадцати трех, в модном паричке и с выпуклым животом.

– Вы подлец, молодой Корилин. Да! Я заявляю это открыто! Пусть все знают, ибо не пристало человеку вашего ранга высказываться в острых выражениях в отношении людей непомерно выше вас, – говорил высокий парень в дорогом щегольском костюме, пошитом на илитский манер, несколько худощавого вида.

– Не смей! Не смей! Называть меня молодым, и подлецом тоже! Я требую сатисфакции! Я буду жаловаться в полицию! Дойду до градоначальника! Теперь уж вы одними извинениями не отделаетесь!

К ним подошел управляющий, попытался успокоить, но дело, видимо, было архиважным, а на кону была честь или, по меньшей мере, тысяча кредитов, а иначе нельзя было объяснить всю ту смелость, решимость духа, которую проявляли эти молодые господа столь благородного (и нежного) вида.

– Когда будете жаловаться, не забудьте пересказать вашим покровителям все то, что вы давеча говорили мне, молодой Корилин.

Молодой Корилин опять затопал ножками.

Тогда Виктор словно забылся и, не ощущая себя и странства, прямо подошел к конфликтующим (чем довел Марию до кататонии).

– Господа, вам бы лучше не кричать здесь и пугать людей, а выйти на улицу, благо секунданты у вас уже есть, и там как мужчины решить все проблемы.

– Да что вы такое говорите? – перепугался вдруг высокий. – Не пристало приличным людям уподобляться варварам и махать кулаками. В высшем обществе так не поступают.

– Полностью согласен, – уже поддакивал молодой. – Как же так можно?

– А кого вы называете варварами, уважаемый?

– Всех тех, кто решает свои проблемы силой. А вы сами кем будете?

– Я уже понял, что вы меня не знаете. Но возьмите себе на заметку вот что: слово «варвар» обычно употребляют в от-

ношению людей с Востока, а ныне считается неприличным, и даже весьма дурным для произношения в высшем обществе. Равно как и слова «крестьянин» и «работяга». В вашем случае правильно было бы употребить слово «вздорный», «уподобляться вздорным». И раз уж дело зашло до должного поведения, то знайте: даже на повышенных тонах при людях говорить непристойно, а тем более игнорировать управляющего, когда тот просит вас успокоиться, впрочем, равно как и любого взрослого человека. А теперь будьте добры, – обращался Виктор ко всем участникам конфликта, – забирайте остатки своего достоинства и возвращайтесь за школьную парту, и еще несколько лет учите правила этикета, и впредь будете готовы появиться в общественном месте.

К тому времени Виктор собрал все внимание посетителей. Некоторые его узнали, подходили здороваться, выражать почтение; другие осведомлялись, потом одни признавали, вторые – делали вид. Мария до самой развязки не шевелилась. Потом – как увидела, что конфликтующие исчезли, а с Виктором здороваются, – тут же оттаяла, посветлела и была уже подле Дезира, держала его за руку и улыбочиво кланялась уважаемым людям.

Выйдя из ресторана, Виктор взял на стоянке таксомотор, затем завез Марию домой (к ее большой, но скрываемой неохоте), а сам поехал к себе.

По прибытии Виктор напрямик отправился на третий этаж к своему месту силы – в трофейную.

Это была большая, но плотно заставленная всем подряд комната. Здесь Виктор хранил свое оружие – как трофейное, так и личное; каждая винтовка, пистолет, сабля, нож, топор, кортик – все висело на отдельном месте на стене либо стояло на стеклянной полке, на специальной подставке, и было подписано: название, фирма, год выпуска или место заполучения и краткое описание обстоятельств оного. Тут же Виктор хранил походную одежду и снаряжение всех сезонов и вариаций; многое из этого было куплено им уже по выходе на пенсию, что-то было новое, что-то ношеное.

Также в трофейной Виктора можно было найти бесчисленное количество карт, мелких инструментов, книг, записок, картин, бутылочков, сувениров, древних монет, деталей восточных костюмов... Все это он начал собирать нанимая квартиру в районном городе, потом свозил в пригородную усадьбу, а затем перевез в особняк.

Минут через пятнадцать хождения из угла в угол Виктор пристроился на диванчике и тихонько то ли застонал, то ли засопел. Ужасная, стыдная тоска накатила на него. Да – он стыдился своего заболевания, упорно отказывался признавать его, хотя имел медицинское подтверждение, но в силу своего характера и специфического, излишне строго мировоззрения не мог принять его, а списывал на собственные прихоти, отчего лучше ему, конечно, не становилось.

Синдром Мартина Лондона – так заключил доктор Лихтер, которого Виктор посещал год назад инкогнито. Син-

дром этот характеризуется глубоким перманентным вялотекущим депрессивным состоянием, вызванным чрезвычайно долгими нервными перегрузками. Особенностью данного заболевания является неадекватная реакция на достигнутый успех из-за серьезных деформаций в работе психики.

Синдром Мартина Лондона – обратная сторона упорного подъема со дна на обзорную террасу, с подростковых годов, на протяжении более двадцати лет. Довесок к заработанному капиталу. Результат десятков опасных операций, лишений, ранений, пережитых смертельных ситуаций.

Доктор Лихтер советовал Виктору больше времени проводить в тишине, общаться с людьми, завести питомца, создать семью, обзавестись детьми, уехать за город и обжиться где-нибудь на морском берегу. Но Дезир протестовал. С одной стороны, он не мог смириться с мыслью, что все, им нажитое, теперь должно оставить, что все его достижения не имеют смысла, а потому и весь его путь. С другой же стороны – он чувствовал, что есть в нем нечто, что не дает ему покоя, нечто, плодящее внутри него пустые и бессмысленные прихоти души. Что-то будто вело его без цели и смысла вперед, потом через несколько шагов останавливало и направляло уже в другую сторону, и так без конца.

Спустя год Виктор немного успокоился. Часть советов Лихтера он все же выполнил. Туманное состояние ума и сердца несколько рассеялось и застыло в хмурой ясности. Но на смену хандре пришла скука, периодически то нарастая,

то пропадая вовсе.

И на этом диванчике в трофейной Виктор Дезир, богатый, успешный деятель искусств и науки, лежал и думал про себя лишь один вопрос: «Что же делать дальше?».

Он уснул, и захватил его странный сон. Поначалу он чувствовал, будто не может пошевелиться, но вдруг ему удалось вскочить – и тут же на глазах его трофейная комната исчезла, и он оказался в каком-то знакомом портовом кабаке. Рядом ходили моряки, вольные, наемники, корсары, широколицые аборигены, и все в камзолах и париках.

– Да бросьте вы их, господа. Бросьте! К чему они вам?

Но никто на него внимания не обращал. Но не успел он сильно раздосадоваться, как неожиданно подле него оказалась Мария и увлекла его в танце. Но потом он взгляделся и узнал в своей спутнице одну из тех девушек-блудниц, с которой он имел однажды досуг. А лица начали мелькать и сменять одно другое. Он бросил танцевать, бросил девушку-хамелеона и выбежал на улицу. Но и здесь он когда-то уже был – это был утес, на котором он однажды очутился, когда бежал от разъяренных аборигенов и охотников с награбленным золотом в мешках. Он подошел к самому краю – внизу было озеро. Вероятно, тогда он спрыгнул вниз, но как бы он всплыл с полными мешками золота? Но в этот раз он был налегке, а потому сделал шаг вниз, но не вода приняла его, а темная, мелодичная бездна, поющая на всех языках мира длинными, протяжными нотами, в одном размеренном тем-

πε.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.